

Когда Нин Цзючэнь вошла в спальню, Цзян Жугу всё еще возилась с одеялом, перекатываясь с боку на бок. К счастью, кровать была достаточно широкой, иначе Нин Цзючэнь всерьез опасалась, что эта девица рано или поздно свалится на пол. И без того не особомышленная, а если еще и головой ударится — что тогда делать?

Ах, как же теперь спать? Почему-то так хочется прильнуть к ней, но она, кажется, не любит, когда к ней кто-то приближается. Цзян Жугу теребила пальцы, терзаясь сомнениями: что же делать? Я во сне такая беспокойная, вдруг она начнет меня презирать? А если начнет — как быть? Мне будет так грустно, хоть плачь, хоть пальцы кусай.

— Ты чего возишься? Спать не собираешься?

Если бы Нин Цзючэнь знала, что творится в голове у этой девицы, она бы лишь усмехнулась: ну и богатый же у тебя внутренний мир, милочка.

— Сплю, сплю, уже засыпаю! — Цзян Жугу не хотела навлечь на себя немилость и послушно откатилась к самому краю кровати. Ох, как же далеко теперь...

Нин Цзючэнь, откинув одеяло и укладываясь, увидела, что та только замерла, как снова начала ерзать. Наконец она не выдержала:

— Если продолжишь кататься — упадешь. Подвинься сюда, ложись рядом.

Цзян Жугу кивнула, но тут же вспомнила, что Нин Цзючэнь в темноте этого не видит, и старательно ответила:

— Угу, угу.

Нин Цзючэнь решила, что раз угроза миновала и больше нет нужды позволять Цзян Жугу мелькать перед глазами Лун Батяня, пусть она пока живет здесь. А уж как уговорить её остаться — это, считала Нин Цзючэнь, проще простого.

Хотя Цзян Жугу и не страдала бессонницей на новом месте, она думала, что сегодня уснуть будет нелегко. Как бы она ни старалась сохранять оптимизм, события минувшего дня всё еще вызывали у неё страх. К тому же, она снова начала переживать, не поведет ли она себя во сне как-то не так, не разочарует ли Нин Цзючэнь. Казалось, с такой горой забот на душе она не сможет сомкнуть глаз до самого рассвета.

Однако она переоценила свою тревожность. Стоило ей лечь рядом с Нин Цзючэнь, как чувство безопасности накрыло её с головой, и она мгновенно уснула. Настолько быстро, что когда Нин Цзючэнь задала ей вопрос, то в ответ не услышала ни звука, а взглянув на неё, поняла, что та уже видит сны. Ну и беззаботная душа, как ей только живется так легко!

Сон был на редкость крепким. Цзян Жугу проснулась еще до рассвета. Эта спокойная жизнь вдруг показалась ей настолько желанной, что она захотела бы прожить так всю вечность. Ей казалось, что она проснулась очень рано, но, повернув голову, обнаружила, что место рядом уже пусто. Она коснулась простыни: тепло еще сохранилось. К счастью, эта грозная особа оказалась не такой уж пугающей, хотя вставать в выходной день ни свет ни заря — это что-то с чем-то.

На краю кровати лежала новая одежда. Переодевшись, Цзян Жугу отправилась на поиски Нин Цзючэнь. Как только она вошла в гостиную, её потянуло ароматом еды напрямик на кухню. Вчера она почти ничего не ела, и теперь, вдыхая этот запах, просто не могла лгать себе, что не голодна.

Увидев Нин Цзючэнь в фартуке с котятами, которая варила лапшу, Цзян Жугу нашла эту картину одновременно умильной и забавной. Можете ли вы представить себе Нин Цзючэнь, которая обычно просчитывает всё на тысячи шагов вперед, хладнокровно отдает приказы, обладает острым умом и гибким мышлением, а вчера еще и продемонстрировала невероятную силу и мужскую статью — и вот она, в этом нелепом фартуке, в суматохе хлопчет на кухне?

Цзян Жугу никогда не думала, что слово суматоха можно применить к Нин Цзючэнь. Быть может, она могла бы смело предположить, что эта суeta отчасти вызвана ею самой?

В углу она заметила мусорное ведро, полное неудачных попыток приготовления лапши, а на столе царил хаос — повсюду брызги бульона и рассыпанные приправы.

Проснись она чуть позже, она бы не увидела эту сцену преступления. Цзян Жугу тихонько отступила назад, чтобы её не заметили. Еще бы, если бы Нин Цзючэнь узнала, что её застали в таком неловком виде, что бы началось?

Когда Нин Цзючэнь подала лапшу с помидорами и яйцом, вид у неё был не самый аппетитный, но вложенная забота стоила дороже золота.

— Встала слишком рано, помощница по хозяйству не успела приехать, так что я готовила завтрак по рецепту. Впервые стою у плиты, не хочешь попробовать?

Лапша была далека от идеала, но для первого раза — вполне достойно. Цзян Жугу чувствовала, как тепло разливается внутри. Никто и никогда не готовил для неё специально, тем более Нин Цзючэнь, которая, казалось, палец о палец в быту не ударит.

— Очень вкусно.

Глядя на Нин Цзючэнь, которая отчаянно пыталась сохранить привычную невозмутимость, Цзян Жугу вспомнила фразу, которая как нельзя лучше описывала её нынешние чувства:

Все весенние цветы, летние листья, осенние краски и зимние снега, что я видела в жизни, меркнут перед твоей красотой.

— Барышня, боюсь, сейчас уже поздно.

— Поверни направо, выезжай на шоссе через Шанхэ-роуд, мы еще успеем на вершину горы. — Нин Цзючэнь ни за что не признается, что они чуть не опоздали только потому, что она переоценила свои кулинарные таланты.

Цзян Жугу, покорно следовавшая за ней, даже не знала, зачем они едут. — На вершину? Зачем?

— Покажу тебе рассвет.

Когда они добрались до вершины, они как раз успели.

Заря окрасилась в цвета радуги — красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый. Тот самый момент, когда восток начинает светлеть, как часто описывают в книгах, уже прошел. Свет был мягким, нежным, словно ласка, касающаяся щек возлюбленной.

Разноцветное сияние начало блекнуть, оставив лишь красный и желтый, причем желтый исчезал медленнее. Затем бледный красный начал разгораться всё сильнее и сильнее, превращаясь в огонь, охвативший всё небо. Казалось, даже чувствуешь этот жар.

Рассеянное красное марево начало собираться в точку, становясь всё меньше, всё ярче, всё круглее, пока не приняло очертания солнца. Красный цвет начал отступать, появилось золотое сияние, и золотисто-желтый постепенно вытеснил огненно-красный круг.

Солнце взошло.

Цзян Жугу тихо сидела рядом с Нин Цзючэнь, внимательно наблюдая за всем процессом, словно записывая увиденное на пленку в своей памяти. Этот пейзаж был настолько прекрасен, что она не посмела бы забыть его, даже если бы прожила сотни лет.

Она наконец решилась на дерзкую мечту: иметь возможность встречать рассветы и закаты вместе с Нин Цзючэнь всегда, до самого конца.

Нин Цзючэнь с самого утра хотела отвезти Цзян Жугу на рассвет, поэтому отложила все дела и провела с ней весь день, гуляя по окрестностям.

Она действительно хотела развеять тоску Цзян Жугу, чтобы та не держала в себе обиды. Увидев, как та робко просит сделать совместное фото, она, к удивлению самой себя, легко

согласилась.

Цзян Жугу сама не понимала, чем она заслужила такое отношение, почему Нин Цзючэнь так добра к ней, даже называя её долгосрочной инвестицией. Кроме посредственных оценок, она была ни на что не годна, а эти оценки перед лицом Нин Цзючэнь вообще ничего не стоили.

Так или иначе, их совместная жизнь началась. Нин Цзючэнь предоставила жилье, а она взяла на себя все домашние дела. Это было её собственное предложение, и Нин Цзючэнь согласилась. Это сожительство было совсем не тем, о чем можно подумать, но на мгновение она позволила себе помечтать: а что, если бы это было по-настоящему?

Нин Цзючэнь распорядилась перевезти вещи из общежития. Пусть там не было ничего ценного, но это были её вещи, к которым она привязалась. Как и к людям: если она будет часто мелькать перед глазами Нин Цзючэнь, не начнет ли та скучать, когда придет день расставания?

Соседняя спальня официально стала её комнатой. В шкафу висели её старые вещи вперемешку с теми, что купила Нин Цзючэнь, на полке стояли её потрёпанные кроссовки рядом с новыми, в ванной появились её принадлежности, а еще ей вручили ключи от квартиры, кабинета и спальни.

Нин Цзючэнь даже купила ей телефон и компьютер. Цзян Жугу хитростью подобрала такой же брелок, как у Нин Цзючэнь. О боже, парные украшения! Хотя она и сказала Нин Цзючэнь, что это просто стандартный набор для лучших подруг — мол, теперь мы ведь лучшие подруги, правда?

Нин Цзючэнь кивнула, и Цзян Жугу была на седьмом небе от счастья. Раз есть подруга, то и до девушки недалеко? А там, глядишь, и вытеснит этого мерзавца Лун Батяня и займет его место.

Она никогда не пользовалась такой техникой, но Нин Цзючэнь терпеливо учила её всему, держа за руку. Как же приятно было чувствовать тепло её ладони, хотя самой хотелось сжать её руку в ответ.

Это место стало их маленьким гнездышком, только для них двоих. Столь абсолютное счастье было чем-то, о чем она раньше и мечтать не смела.

Цзян Жугу призналась Нин Цзючэнь, что чувствует себя так, будто её содержат. Нин Цзючэнь редко позволяла себе шутки, но тут ответила: Можешь считать, что я тебя содержу, но будь спокойна — греть мне постель не нужно.

Лицо Цзян Жугу залилось краской, и она прижала холодные ладони к щекам, пытаясь сбить жар. На самом деле, она была бы не против греть постель Нин Цзючэнь, но даже если она сама захочет, Нин Цзючэнь вряд ли согласится.

Они вместе дошли до университета и расстались у дверей аудиторий. Как же ей хотелось вот так идти рядом с Нин Цзючэнь до самой старости, до седых волос.

В классе было шумно, все что-то бурно обсуждали, и никто больше не пытался её задирать.

Говорили, что та группа, которая заперла её в туалете, попала в беду: видео с их издевательствами попало в сеть, и теперь их все презирают. Зачинщица хотела бросить учебу, но университет заблокировал её документы, и перевестись она не могла, так что теперь она была изгоем, на которого все указывали пальцем.

Двое других, которым Нин Цзючэнь сломала руку и нанесла удар, лежали в больнице, а остальных отчислили. И неважно, знали люди всю правду или нет — все усвоили одно: Цзян Жугу нельзя трогать, за её спиной стоит кто-то очень влиятельный.

То, что раньше должен был делать Лун Батянь, медленно завоевывая сердце Цзян Жугу, теперь сделала Нин Цзючэнь. Цзян Жугу даже не нужно было гадать, чьих это рук дело. Какое же это было облегчение! Она ведь не была слабой, просто жизнь научила её, что без силы смирение — единственный способ выжить, пусть и ценой унижений.

Нин Цзючэнь, ты просто невероятная, думала Цзян Жугу, и сладость в её душе была почти невыносимой. Ей так хотелось броситься в объятия Нин Цзючэнь, повиснуть у неё на шее, расцеловать её левую щеку, потом правую...

Что ж, она могла только мечтать, на деле она не рискнула бы — не хотелось получить отпор. Нин Цзючэнь во всем хороша, вот только слишком уж любит применять силу. Впрочем, если бы Нин Цзючэнь применила к ней домашнее насилие, это было бы даже неплохо... Неужели у неё проснулись мазохистские наклонности?

ТЬфу-тьфу-тьфу! Это всё оттого, что её мысли в последнее время заняты только Нин Цзючэнь, вот и полезла в интернет искать, что делать, если влюбилась в девушку, и заразилась этой ерундой. Раньше она была чиста, как белый лист. Хотя, по правде говоря, она и сейчас как лист — только теперь он исписан цветами, связанными с Нин Цзючэнь.

<http://bllate.org/book/21621/2230351>